

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ШОРЦЕВ

В. М. Кимеев

PROBLEM OF SHORS' ETHNOGENESIS

V. M. Kimeev

Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-11-42003.

В статье рассматриваются гипотезы об этногенезе шорцев как самостоятельного этноса, высказанные в трудах российских исследователей начиная с XVIII в. Автором предлагается новое прочтение артефактов, использованных предшественниками, но в приложении к отдельным шорским этнолокальным группам, состоящим в начале XX в. из вторичных родов-сёоков и больших кровнородственных семей-тёлей.

The paper addresses the hypotheses on the ethnogenesis of Shors as an ethnos introduced by the Russian researchers since the 18th century. The author suggest a new understanding of the artedacts that had been used in previous researches, as applied to some ethnolocal groups of Shors, which in the early 20th century consisted of secondary families – *seoks* and big blood-relation families-*tyols*.

Ключевые слова: шорцы, этногенез, этнолокальные группы, вторичные роды-сёоки, кровнородственные семьи-тёли.

Keywords: Shors, ethnogenesis, ethnolocal groups, secondary families – *seoks*, blood-relation families-*tyols*.

Введение

В историко-этнографической литературе утвердилось мнение, что современные шорцы - тюркизированные потомки древних кетов, самодийцев и угров. Первые гипотезы о родстве этнолокальных групп предков шорцев (абинцев и бирюсинцев) с соседними телеутами были высказаны участниками Первой академической экспедиции [26, с. 166 - 172]. Начиная с середины XIX в. в начале лингвистами, а затем историками, этнографами и антропологами неоднократно предпринимались попытки выявить «дотюркские» компоненты предков шорцев, используя в качестве сравнительного материала случайно отмеченные ими элементы культуры у отдельных шорских этнолокальных групп. Зачастую этнографические особенности какой-либо одной группы механически переносились на всех шорцев, что не всегда было верно.

Тюрколог В. В. Радлов, первый предложивший считать шорцев отдельным народом Саяно-Алтая, называл их потомками «енисейско-остяцких» племен (часть из них это современные кеты). В подтверждение своей гипотезы он отмечал енисейскую топонимику в верховьях реки Томи, особенности антропологических признаков и умение шорцев, как и «кетоязычных аринов», добывать и обрабатывать железную руду при их оседлом образе жизни в отличие от соседних тюрков [58, с. 94]. Подобной же точки зрения придерживался тюрколог Н. А. Аристов, отнесший шорцев вместе с другими группами северных алтайцев к «отюреченным енисейцам и самоедам» [11, с. 69].

Среди современников В. В. Радлова в конце XIX в. было распространено и другое мнение. Так, миссионер В. Вербицкий полагал, что «черневые татары» (куда он включал и предков шорцев) по происхождению или «финские племена, но слились с народностью монгольской» [24, с. 10] или «чудские финские племена, к которым впоследствии примешались и тюркские элементы». «Финским племенем»

называли черневых татар (включая и предков шорцев) географы-путешественники и сотрудники РГО, обратившие внимание на их отличительную внешность и одежду [6, с. 290; 66, с. 94]. Этнограф В. Г. Богораз считал шорцев реликтовым остатком древней культуры пеших охотников - потомков отюреченных палеоазиатов [13, с. 42].

Ленинградский этнограф С. В. Иванов сближал рисунки на шорских бубнах и берестяной утвари из музейных коллекций по шорцам с подобными изображениями у хакасов и телеутов. В то же время орнамент на предметах утвари, одежде (халаты, пояса и рукавицы) шорцев, по мнению автора, аналогичен орнаменту южных хантов, манси, нарымских селькупов и особенно кумандинцев, и был выделен им в единый тип [35, с. 372]. Скульптура шорцев (деревянные лошади, лодки с веслами, культовые куклы покровителей охоты из музейных собраний) имеет много общего с подобными изображениями у кумандинцев, челканцев, тубаларов. Культовая маска «кочо», употребляемая у некоторых групп шорцев и кумандинцев, сходна по форме с хантыйскими берестяными масками, а изображение на шорских бубнах человека, едущего на санях, аналогично изображению на селькупских бубнах [34, с. 672].

Томский этнограф Н. В. Лукина, исследовавшая материальную культуру восточной группы хантов, отмечала наличие у них целого ряда общих культовых явлений в охоте и рыболовстве с народами Южной Сибири, в том числе с шорцами [46, с. 263].

В связи с развернувшейся с середины XX в. разработкой вопросов этногенеза народов Южной Сибири неоднократно высказывались весьма спорные предположения о кыргызском (хакасском) и телеутском происхождении некоторых групп шорцев [62, с. 220; 57, с. 86].

Необычную гипотезу о происхождении шорцев высказал сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея Д. Я. Ярославцев. Согласно легенде, записан-

ной им в низовьях Мрассу, шорцы – потомки богатыря Шуна, старшего сына первой жены царя Мол-кана с Тобола. Под давлением русских шорцы, якобы, переселились на Мрассу и Кондому через верховья рек Томи, Оргона и Шоры. От последней и получили они свое нынешнее название. В результате разделения шорцев на отдельные роды, расселения их по Кузнецкой тайге и контактов с различными другими «народностями» у переселенцев оформились их лингвистические и антропологические локальные особенности [67, с. 83].

Антропологи и генетики, не вдаваясь в суть степени этничности и единства шорского этноса, рассматривали вопросы этногенеза шорцев весьма своеобразно. Согласно авторитетному А. И. Ярхо шорцы вместе с другими народностями хакасской языковой группы имеют енисейско-остяцкое (т. е. кетское) происхождение [68, с. 15], что сближало его предположение с гипотезой В. В. Радлова. Другой известный московский антрополог В. П. Алексеев, изучая краниологический материал (16 черепов) из поздних погребений на якобы «шорских» кладбищах в бассейне реки Таштып, пришел к выводу, что шорцы оформились на основе этнических групп эпохи бронзы, населявших лесные районы Северного Алтая и «говорящих на самодийских и угорских языках». Тюркизация, как он полагал, не сопровождалась изменением физического типа предков шорцев, что являлось результатом культурных, а не брачных контактов их с тюрками [8, с. 86]. Примечательно, что сопоставление краниологических показателей среднерассской группы шорцев с данными по другим народам Южной Сибири позволило антропологу А. Р. Киму утверждать о наибольшем сходстве шорцев с бачатскими телеутами и о существенном отличии от верхнеабаканских хакасов [39, с. 192].

Много общего находила в антропологии шорцев с ненцами и хантами генетик Л. О. Битадзе [12, с. 264]. Весьма любопытны, но расплывчаты мало пригодные для раскрытия этногенеза шорцев исследования современных кемеровских генетиков. Так, ими утверждается, что за три последних поколения «...произошло изменение популяционно-генетической структуры» и отмечается «...рост генетического разнообразия, при снижении уровня инбридинга». Неясным остается, каким образом при проведении анализа шорских фамилий (список которых до сих пор никем точно не исследован и не опубликован) выявились некие тенденции, которые к тому же подтвердились «...в результатах исследования полиморфизма в шорской популяции (?) по данным анализа истинных генетических маркеров» [45, с. 143]. Неясным остаётся также, почему некие «горные шорцы Кемеровской области» и абаканские шорцы Республики Хакасии «...демонстрируют одно из самых небольших генетических расстояний друг относительно друга», хотя это противоречит выводам антропологов А. Р. Кима.

Определенный интерес представляют выводы об этногенезе шорцев, сделанные на основе археологических находок. В местах прежнего обитания абинских предков шорцев сотрудниками Новокузнецкого краеведческого музея, археологами У. Э. Эрдниевым (1950 – 55 гг.) и Ю. В. Шириным (1987 – 1988 гг.)

проводились раскопки городища Маяк (датировка II тысячелетие до н. э. – VII – XII века н. э.). Доказательством близости населения городища как к шорцам, так и обским уграм, послужило обнаруженное У. Э. Эрдниевым сходство орнамента глиняных сосудов городища и берестяной посуды шорцев из фондов музея, а также вышивки ромбовидным узором шорских женских платьев, узоров на керамике городища и археологических памятниках Томского Приобья. Однотипность жилищ, комплексное, неспециализированное хозяйство шорцев и хантов также, по мнению У. Э. Эрдниева, указывают на их этногенетические связи в прошлом [65, с. 63].

Много ценных выводов дало изучение этнонимии и топонимии Горной Шории. Так, согласно опубликованной А. П. Дульзоном карте топонимов на территории современной Горной Шории самодийские названия наиболее распространены по реке Кондому, а кетские – по Мрассу, Томи и верховьям Абакана. Тюркский пласт, как полагал А. П. Дульзон, наслонился в результате постепенной ассимиляции древнего кетосамодийского населения по всей территории Горной Шории [29, с. 78]. Хакасский археолог Л. Р. Кызласов, напротив, считал эти топонимы Горной Шории угорскими, а население, проживавшее по рекам Мрассу и Абакану – отюреченными в VI – X вв. остатками древней угорской общности [44, с. 70 - 126].

Краевед-геолог Г. П. Старков считает гидроним шор/тор угорским и переводит его как «озеро». Весьма сомнительными выглядят «выявленные» автором сходства саамских и шорских бубнов, эстонского (шире финского) музыкального инструмента «варган», названий божества удмуртов «кереметь» и шорцев «кёрмёс», кетского эпонима «ольгыт/ульгет» с именем шорского фольклорного богатыря Ольгудека. Сравняются даже «тибетское» название напитка «арак» с шорским «арака». И уже совсем нелепым выглядят сравнения якобы тибето-бирманских этнонимов с формантов – *чин*, например «тибетского племени *писачи*» с гидронимом Песачсан в бассейне реки Кондома, или «тибето-бирманских» этнонимов *качин*, *куки-чин* с шорским этнонимом *кечин* и даже шорской фамилией Паучинов [60, с. 128].

Наибольшее признание в конце XX в. получили гипотезы лингвистов А. П. Дульзона, А. М. Абдрахманова, А. А. Бонюхова и Э. Ф. Чиспиякова, которые выделяли четыре субстратных пласта топонимов Горной Шории: южносамодийский, кетский, тюрко-монгольский и русский. Шорцы, по их общему мнению, – «дорусская народность, пришедшая «откуда-то со стороны в места своего нынешнего обитания, где она стала проживать совместно с находившимися здесь «с древних времен» кетскими и южносамодийскими племенами. Причем переселенцы количественно не превышали кетские и южносамодийские племена, так как не сохранилось двойных названий подобно русско-шорским дублетам [14, с. 152 - 155; 3, с. 159].

Новокузнецкий лингвист Г. В. Косточаков бассейн реки Мрассу называет основной кетской территорией в Шории в древности. В низовьях Кондомы он выделяет только бассейн рек Амзас, Азас, двух Казасов, Таз, а верховьях – рек Базас, Сайзак, тузас. В верховьях Томи, также основной территории расселения

древних кетов, кетскими по происхождению он считает все ее правые притоки – Кунзас, Амзас, Бельсу, Уса, Тутуяс и все левые притоки до устья Мрассу – Майзас, Калиас, Кийзас и др. Потомков древних кетов он предлагает искать среди родоплеменных названий (эпонимов) современных мрасских шорцев [43, с. 64]. Он также первым сделал попытку сделать этимологию шорских фамилий [42, с. 11].

На самодийском материале пытался выяснить происхождение отдельных групп шорцев этнограф В. И. Васильев. Он сопоставил шорский эпоним *сайин* с северосамодийским *сойта* у тундровых энцев и с южносамодийским *сойён*, предположив, что с приходом тюрков на Северный Алтай (IX в.) «южносамодийский» род *шор* раскололся и частично откочевал в Саяны, а оттуда на север, где вошел в состав энцев. Оставшаяся на Алтае часть самодийских сородичей, утратив прежний язык и культуру, составила «костяк современной народности шорцев» [21, с. 139, 155].

Крупнейший исследователь народов Южной Сибири этнограф Л. П. Потапов, кроме самодийского, угорского и енисейского компонентов, выделял древнетюркский. Лингвист Г. В. Косточаков предполагает, что тюркюты-теле принесли на Кондому кондомский диалект современного шорского языка, проникнув в Шорию тремя путями: с Алтая через «Спасский коридор», из абаканских степей через Июс, Ортон и Кабырзу, а также с низовьев Кондомы через Шорский хребет [43, с. 65].

Если обобщить все эти многочисленные гипотезы о происхождении шорцев, то складывается причудливая и несколько расплывчатая картина.

К кетским элементам причисляют топонимику в бассейне Мрассу и Томи, некоторые приемы охоты и охотничье снаряжение, формы шорских бубнов, ряд лексических особенностей шорского языка, обычай захоронения детей на деревьях и в пнях, элементы культа медведя, почитание березы в шаманстве. Кроме этого о родстве кетов и шорцев свидетельствует почитание у енисейских кетов божества Мать-Том и широкое развитие кузнечного дела у обоих народов.

К самодийским по происхождению относят эпонимы *шор* и *сайин*, некоторые сюжеты рисунков на бубнах, топонимику в бассейне Кондомы.

К угорскому компоненту принято относить общие для шорцев и угров некоторые измерительные и описательные антропологические признаки, покрой и орнамент распахнутой мужской и женской одежды, домашний очаг с трубой из прутьев, обмазанных глиной, срубы-амбарчики на высоких столбах, криволинейный орнамент на глиняной посуде, а также изображение духов, предков на шаманских бубнах.

Общим выводом исследователей стало довольно обобщенное утверждение о том, что формирование шорцев происходило на территории верховьев Томи с населением разнообразного состава, где на протяжении многих веков менялись различные этнические волны. Современная территория расселения шорцев со второй половины I тыс. н. э. входила в область языкового, политического и культурного влияния мощных социальных объединений тюркоязычных народов раннего средневековья: древних тюрков, уйгуров, кыргызов. Не позднее начала II тыс. н. э. терри-

тория Притомья стала активно заселяться тюрками кыпчакской языковой группы, что привело к этнокультурной ассимиляции местных самодийскоязычных групп. Монгольские завоевания не внесли радикальных изменений в этнокультурную ситуацию верховьев Томи. Наибольшее влияние на население Мрассу, Кондомы и верховьев Томи оказали енисейские кыргызы, а в низовьях Кондомы и ниже ее устья по Томи – приобские телеуты.

Очевидно, что дальнейшие попытки исследования этногенеза шорцев, как единого этнического целого с подбором случайно отобранных «артефактов» обречены на неудачу. Правильнее было структурировать этнический состав и рассмотреть проблему этногенеза по отдельным этнолокальным группам исторических предков шорцев, состоящим к началу XX в. из кровнородственных вторичных родов *сёоков* и больших семей *тёлей*.

Основная часть

В современной этнографической литературе принято считать, что в состав трех крупных этнотерриториальных групп предков шорцев в начале XX в. – горнотаежных *бирюсинцев* (мрасская и верхнекондомская группы) и лесостепных *абинцев* входило несколько этнолокальных групп со своим говором и особенностями традиционной культуры, состоящих, в свою очередь, из вторичных кровнородственных родов-сёоков и больших семей-тёлей. Внутри этих этнолокальных групп и следует проследить расселение сёоков и тёлей, а через эпонимы - проблему этногенеза шорского этноса.

Из всех эпонимов, отмеченных исследователями в конце XIX – начале XX вв. в верховьях реки Томи, а также по Мрассу и Кондоме, в состав шорского этноса можно включить только 14 (а не 17 как предполагалось прежде) наименований: 1. *шор* (с подразделениями кара-шор, сары-шор, ак-шор), 2. *таеш* (таяш или узют-шор), 3. *кечин*, 4. *кый* (кой), 5. *кобий*, 6. *кызай* (кызыл-кай), 7. *карга* (сунг-карга и танг-карга), 8. *челей* (селей), 9. *чедибер* (четтибер, итебер), 10. *калар*, 11. *аба* (таг-аба и кара-аба), 12. *себи*, 13. *тарткын*, 14. *кереш*.

Сопоставление лингвистических, этнографических и антропологических данных о «кузнечных инородцах» конца XIX – начала XX вв., собранных в местах компактного проживания отдельных сёоков и тёлей XVIII – XIX вв., позволяет выделить следующие этнолокальные группы кузнечных татар, слившиеся уже в советский период в составе Горно-Шорского национального района в единый шорский этнос.

БИРЮСИНЦЫ, обитавшие по реке Мрассу выше Хомутовских порогов, в конце XIX – начале XX вв. предположительно подразделялись на три этнолокальные группы:

Среднемрасская группа наиболее компактно сосредоточилась в живописной долине реки Мрассу и по ее крупным притокам – Ортону, Суете, Анзасу, Казасу. Состояла она из двух сёоков: *карга*, *челей* и, видимо, отдельных семей сёока *сайин*. Потомки первых сёоков до сих пор сохраняют особый среднемрасский говор и наибольшую однородность антрополо-

гических признаков. Среди множества мелких айлов и улусов заметно выделялся улус Усть-Анзас – древний этнокультурный центр мрасских шорцев-бирюсинцев. Под влиянием Мрасского отделения Алтайской православной духовной миссии и семей русских приискателей «бергалов» к началу XX в. здесь стали строить избы-пятистенки и амбары, пользоваться железной и глиняной утварью, носить одежду фабричного производства [22, с. 159]. В праздничной одежде мужчин появился сюртук, шелковый кушак, бархатный картуз, высокие сапоги с красными отворотами и кисточками. Большинство местного населения к началу XX в. приняло христианство, что коренным образом изменило их мировоззрение. В миссионерской школе улуса Усть-Анзас, начиная с 1883 г. ежедневно обучались от 15 до 20 человек.

Название *карга* служило эпонимом большей части тюркоязычного населения, обитавшего в среднем течении Мрассу, от порогов до устья реки Кызас. В конце XIX в. сёок *карга* подразделялся на два кровнородственных – *танг-карга* (горные карга) и *сунг-карга* (водяные карга), каждый из которых составлял отдельную волость: первый – Ближнее-Каргинскую (т. е. ближнею к г. Кузнецку), называемую ещё неофициально Паянской и Дальне-Каргинскую, иногда называемую просто Каргинской. Юрты паштыка Дальне-Каргинской волости находились в улусе Усть-Анзас (старое название Ангыс-Пелтре или Карга). Месторасположение ставки паштыка Ближне-Каргинской волости в документах не отмечено, но основная часть населения волости располагалась в XVII – XVIII вв. по реке Ортон – правому притоку реки Мрассу, а в XIX в. – в улусе Сосновая Гора (Тозас) и в улусе Казас на правом берегу низовьев Мрассу [25, с. 244]. Часть семей сеока *танг-карга* по данным С. К. Патканова отселась еще в XVIII – XIX вв. в улус Усть-Танчульский верховьев Абакана. В списке населенных мест Томской губернии на 1911 г. Ближне-Каргинская волость уже не числилась [50, с. 278].

Ясачные Дальне-Каргинской волости жили смешанно с телями сеока *челей* Мрасско-Елейской волости, а Ближне-Каргинской – с телями сеоков *челей*, *чедибер* и *аба* Мрасско-Елейской, Мрасско-Бежбойковой и Едеевой волостей низовьев Мрассу [23, с. 176]. Значительная часть сеоков *таг-карга* и *суг-карга* в XIX в. обитала по рекам Таштып и Есь – притокам верховьев Абакана, где они составляли Дальне- и Ближне-Каргинские административные роды Степной думы соединенных разнородных племен Минусинского уезда [56, с. 261].

В настоящее время потомки этих переселенцев помнят о своей прежней родине на Мрассу, но осознают себя уже частью хакасского этноса. К мрасским каргинцам относят себя фамилии Отургашевы, Мортаевы, Кирсановы, Кадымаевы. Из выявленных нами в верховьях Кондомы потомков кондомского сеока *карга* – Курдаковы и Чудековы – назвали свой этноним «куванды», то есть кумандинцы. Причем большая часть этих семей по данным наших информаторов сейчас проживает в Алтайском крае. Поэтому правильнее их считать частью кумандинского этноса.

Происхождение входивших в этнолокальную группу сеоков вероятно имеет различное происхож-

дение. Принято считать, что название сеока *карга* имеет тотемное происхождение и переводится как «ворона». Примечательно, что жители поселка Усть-Анзас, считающие себя потомками каргинцев, в отличие от других шорцев, до сих пор называют ворону «кара-тан», то есть «черная галка». Э. Ф. Чиспиков, не приводя веских доказательств, утверждал, что мрасский род *карга* кондомского происхождения, хотя и преобладал по численности на Мрассу [63, с. 53; 118]. Но Г. В. Косточаков считает среднемрасский род *карга* древнекетского происхождения. Вместе с другими мрасскими родами – кобий, кызай, кый, *кечин* сеок *карга* восходит к древнему кетскому этнониму, существовавшему в нескольких фонетических вариантах – кыйо // койо // коб (кыб) [43, с. 66].

Родовые охотничьи угодья и древняя родовая территория мрасских каргинцев находились у горы Шор-Тайга и по реке Теренсу в верховьях Томи, для ближней охоты использовалась тайга вблизи их родовой горы Патын по водоразделу Мрассу и Абакана [52, с. 134; 53, с. 115 – 116]. Это подтверждают сагайские предания, в одном из которых говорится, что «...колена горных и водяных каргинцев» пришли к сагайцам с горных речек Кузнецкой тайги». Из других преданий также следует, что абаканские «...каргинцы прежде жили по реке Мрассу и занимались охотой, а после разделения Сибири на Восточную и Западную, одна часть каргинцев стала подчиняться г. Кузнецку Томской губернии, а другая г. Минусинску Красноярской губернии», и также что «...водяные Карга живут ныне по рекам Тея, Есь, а прежде жили у хребта Колим на берегу Мрассу. Горные Карга, живущие теперь по рекам Бур, Таштып и Есь, жили раньше у хребта Кара-Таг на берегу Мрассу» [37, с. 272].

Еще в одном предании сообщается: «Против хребта Колим, на другой стороне Мрасса есть еще одна гора, называемая Кара-Таг. Собственно, имя Кара-Таг носят еще две горы, это – горы, у которых жили предки горных каргинцев. Часть нашего народа осталась у этих гор. Их женщины называют эти горы своим тестем, а наши здешние тестем не называют. Наши шаманы во время камлания упоминают эти горы. Говорят, что на той мрасской горе Кара-таг есть каменная колыбель. Эту колыбель видели прежде, а теперь не могут видеть ее. Эта колыбель была колыбелью прежних наших отцов».

В следующем предании повествуется: «В ту сторону, на берегу Мрасса есть еще один хребет, по имени Колим. Водяные Карга называют его горою, у которой жили их предки. Они приглашают шаманов камлать на этой горе и приносят ей жертву. Но женщины не считают эти горы своим тестем». И, наконец, в последнем предании, записанном тем же Н. Ф. Катановым, сообщается: «Наши водяные каргинцы пришли с речки Мрасс, спустившись с черных гор. Предками их были два брата, которые, деля перья орла, рассорили и разошлись: один брат сделался водяным каргинцем, а другой – горным каргинцем. Потомки братьев этих каргинцев и теперь живут по Кабир-Сугу и Мрассу» [56, с. 261 – 262].

Н. П. Дыренкова записала в улусе Карчит на реке Анзас подобную легенду, только там сообщается о трех братьях: «Прежде три брата на реке Мрассу жи-

ли. Три брата (там живут), крылья лебедя не могли разделить, спорили между собой, поссорясь, разошлись. Три брата на три стороны разошлись. Один из них – водяной Карга, один из них – горный Карга, один из них – сайн Карга. (Так) жить стали» [32, с. 309].

Все эти легенды, подкрепленные данными этнографии, как, например, употреблением абаканцами-скотоводами при молениях родовой горе Патын в качестве жертвы характерной для таежных шорцев растительной пищи и рыбы, а не мяса домашних животных, позволили Л. П. Потапову утверждать о шорском происхождении сёоков *таг-кар* и *суг-карга* [56, с. 264 – 265].

Однако существует противоположное, тоже основанное на материалах фольклора, мнение о «бирюсинском» и «кыргызском» происхождении каргинцев. По легенде, записанной В. Я. Бутанаевым от сагайца Карсе Боргоякова айла Халар следует, что «подразделение каргинцев – Суг-Харгазы (Ближне-Каргинский род) является исконно «кыргызским родом». Другая группа каргинцев – Таг-Харгазы (Дальне-Каргинский род) своей прародиной считал долину Мрассу, где находилась их родовая гора Харатаг, давшая название роду Харга» [18, с. 71]. Родовой горой Карадаг являлась также и для мрасского сёока *кызай*, обитавшего в устье реки Пызас.

Вероятно, все эти предания в какой-то мере отражают события, связанные с миграциями каргинцев, однако в них нигде не говорится о принадлежности этих сёоков к шорцам, сагайцам или бельтирам. Что же касается местонахождения родовых охотничьих территорий и гор для обеих частей сёока *карга*, то они располагались не на территории современной Шории и Хакасии, а на границах между ними, в Кузнецком Алатау. Поэтому утверждения о «шорском» или «хакасском» происхождении каргинцев равнозначны.

Родство каргинцам соседнего сёока *сайин* подтверждается легендой о трех братьях, записанной Н. П. Дыренковой: водяном карга, горном карга и сайин карга, которые, поссорившись, покинули родные места в долине Мрассу и «на три стороны разошлись» [32, с. 309]. Потомки этого «шорского», по Л. П. Потапову, сёока *сайин* до сих пор сохранились среди хакасов [56, с. 395]. Примечательно, что последнее обстоятельство, а также легенды, лично записанные у хакасов, позволили этнографу В. Я. Бутанаеву назвать *сайин* – сёоком местного древнехакасского происхождения [18, с. 70]. Не вдаваясь в полемику, можно утверждать, что большинство сайинцев все же отделилось в верховья Абакана, и называть этот род «шорским» нет никаких оснований, так как только отдельные оставшиеся семьи могли вместе с каргинцами войти в состав формирующегося шорского этноса. Подтверждением тому может служить факт полного отсутствия потомков – фамилий этого сёока среди современных шорцев. А значит и рассуждения о наличии в родовом составе народов Саяно-Алтая «самодийского сёока *сайин*» [21, с. 140] могут быть справедливы только в отношении хакасов.

Третий сёок *челей*, входивший в состав средне-мрасской этнолокальной группы, зафиксирован всеми исследователями как в низовья Мрассу, так и в среднем течении Кондомы. Юрты паштыка Мрасско-

Елейской волости находились в улусе Ордагыяал (Узун-арга или Средней Челей) [25, с. 244]. Юрты паштыка другой Кондомо-Елейской волости находились в низовьях левого притока Кондомы – реке Антроп. Такой характер расселения челейцев наблюдался с XVII в., исключая нижнемрасских, которые проникли сюда, по утверждению Л. П. Потапова, в середине XVII в. [57, с. 140]. Действительно, на карте С. Ремезова Елейская волость нанесена в среднем течении Мрассу и по реке Кондома [17, с. 53].

Из хакасской легенды следует, что челейцы верховьев Томи переселились из Сагайской степи [15, с. 157]. Л. П. Потапов считал сёок *челей* телеутским по происхождению [57, с. 140]. В подтверждение своей гипотезы он отмечал сходство «многих» элементов духовной культуры телеутов и кондомских челейцев, а также факт наличия «телеутских Кучуковых юрт» на реке Томи ниже современного г. Кемерово. Кучуковы – одна из современных фамилий потомков шорско-кондомских и кумандинских челейцев.

Проникновение челейцев в горно-таежные районы началось, видимо, еще до прихода русских и происходило в несколько этапов. Одна из групп вначале заселила среднее течение Кондомы и оттуда продвинулась на реку Чумыш, в то время как другая через долину Суеты вышла к реке Мрассу. Заселение верховьев Томи могло происходить из Сагайских степей какой-то третьей группой челейцев. Примечательно, что потомки каждой из этих групп имеют особый набор фамилий.

Неясной остается причина раскола челейцев и изменение традиционного хозяйства мрасской и верхне-кондомской групп после переселения из лесостепных районов. Так, в конце XIX в. две южные группы превратились в настоящих пеших таежных охотников, имевших в пределах своей новой родовой промысловой территории культовую гору Мустаг.

К средне-мрасским челейцам относят себя Торчаковы, Тортумашевы, Кискоровы, Топаковы, смешавшиеся с каргинцами Усть-Анзасской сельской территории Шерегешского городского поселения.

Часть потомков челейцев по реке Кондоме – Камзараковы, Пилины, Сурбашевы, Сулековы, Чебаковы, Эмековы были записаны в паспорте шорцами, но причисляли себя к кумандинцам. По их сообщениям в Алтайском крае проживают их близкие родственники с такими же фамилиями, но они были записаны в паспортах кумандинцами, а их дети сейчас сохраняют кумандинское самосознание. Более того, родители некоторых представителей этих шести шорских фамилий ранее также были записаны кумандинцами. В своих дневниках этнограф Н. П. Дыренкова также утверждала, что «земли по Антропу всегда считались чуждыми шорцам» [33].

Кабырзинская группа включала сёоки *кобый* и *кызай* и занимала долину реки Мрассу от улуса Сага до устья Кабырзы, а также вверх по реке Кабырзе до самых верховьев. Местные жители говорили на особом кабырзинском говоре мрасского диалекта и имели некоторые отличительные внешние признаки. Занимались охотой, рыболовством и лишь некоторые семьи кызайцев – пчеловодством и скотоводством. До начала XX в. в жилище преобладали традиционные

юрты и одаги. У мужчин-охотников на голове был повязан платок [25, с. 242].

Это родовое название есть во всех известных списках родового состава шорцев. Сёок *кобий* в середине XIX в. составлял отдельную Кивийскую или Кобыйскую волость (45 различных фамилий), аилы которой располагались по реке Кабырза и ее притокам. К концу XIX в. характер поселений меняется. Вместо восемнадцати мелких аилов переписью 1897 г. зафиксировано два улуса Кивинской волости по реке Кабырза, третий – по ее левому притоку Таяс, четвертый – по реке Анчуль, притоку Абакана. Кроме того, отдельные семьи кобыйцев (*хобый* по хакасски) жили в улусах по рекам Таштып и Сея Аскизской инородческой управы.

После 1912 г. потомки кобыйцев оказались в Кобуйском и Кабырзинском обществах Мрасской волости и с тех пор проживали в основном в Усть-Кабырзинском сельсовете, а с 2006 г. – в Усть-Кабырзинском сельском поселении.

В настоящее время семьи Шулбаевых, Шишкановых, Сосканановых, причисляющие себя к сёоку *кобий*, продолжают составлять основную часть шорского населения Усть-Кабырзинской сельской территории, а также проживают в г. Таштагол, поселках Шерегеш, Спасск и Калары.

Промысловая территория находилась, как и у сёока *кызай* для большой, дальней охоты, в верховьях Томи и по ее притокам – Козугол, Тузак-суг, Кый-суг, Кызыл-аш, а для ближней охоты – по правому притоку Кабырзы – реке Сензас. Отдельные кобыйцы промыслили на территории своих родственников сёока *кызай* [53, с. 134]. По сообщению нашего информатора Шулбаева Петра Ептисовича, 1905 г. рождения, шорца из поселка Анчуль, основные охотничьи угодья сёока *хобый* находились в истоках Абакана по Абаканскому хребту. Угодья для ближней охоты, по данным Л. П. Потапова, располагались у своей родовой горы Кель-тайга и родовой горы кызайцев Каратаг в бассейне реки Мрассу и ее водораздела с рекой Таштып [52, с. 134; 56, с. 256]. В. Я. Бутанаев уточняет расположение горы Кель-тайга восточнее – в верховьях притока Таштып левого притока Абакана.

Первые упоминания об этом сёоке относятся к 1616 г. В это время в составе Мрасских волостей числилась Кобинская волость (Коба – по другим документам), платившая дань енисейским кыргызам. Однако уже с 1629 г. от населения этой волости начинает регулярно поступать ясак также и в Кузнецкий острог [28, с. 115]. Под названием Кавинской эта волость отмечена на карте С. Ремезова в верховьях Мрассу, против устья ее притока Пызас. В XVIII в. местоположение волости осталось прежним, но название менялось на Кивинскую или Ковинскую.

О происхождении сёока *кобий* нет единого мнения. Академик И. Г. Георги относил «Кобанское колено» к бирюсинцам, кочевавшим «в прежние времена по реке Бирюсе», откочевавших вначале в верховьях Кондомы, а к концу XVIII в. – в верховьях Абакана «возле качинцев» [26, с. 171]. П. С. Паллас прежние местожительство абаканских кобыйцев – «кобынское поколение, состоящее из 53 луков» – определяет в горах, где они занимались исключительно охотой, а после переселения в степные долины реки Абакан

освоили также полукочевое скотоводство [48, с. 507]. Е. Пестерев более конкретно пишет, что представители «Кабинской волости» перекочевали на реку Абакан с «...Мрассы реки и из других мест Кузнецкого уезда» в середине XVIII в. [51, с. 9]. Так, например, о кобыйцах П. С. Паллас сообщает, что жили они раньше в горах и занимались «звероловством», а после переселения на реки Томь и Абакан «...разбогатели скотом, не покидая при этом и промыслов». Из жилищ ими использовались жердчатые юрты, покрытые сшитыми вместе берестяными пластинами и «бараньим войлоком». Остальные «поколения» к «хлебопашеству не имеют способного случая и скотом очень скудны» и «все их пропитание состоит из диких кореньев» [48, с. 515]. Исторические документы XVII – начала XVIII вв. подтверждают переселение ясачных Кивинской волости в верховья Абакана к енисейским кыргызам, где, видимо, уже обитала какая-то часть их сородичей.

После разграничения Томской и Енисейской губерний в 1836 г. постепенно стала происходить ассимиляция абаканских хобый сагайцами в составе Сагайской степной думы Минусинского округа [18, с. 72]. Эти сообщения, связанные с распадом сёока кобый на мрасскую (кабырзинскую) и абаканскую части, нашли отражение в шорском фольклоре [32, с. 305]. Во время экспедиции 1985 г. встреченные мною в поселках Таштып, Матур и Анчуль большинство представителей сёока *хобый* осознавали себя уже частью хакасского народа.

О сёоке *кобий* существует ряд различных преданий. Так, А. В. Анохин со слов учителя-хакаса Коринакова в 1916 г. в улусе Тлачек записал легенду, согласно которой «в древние времена» по реке Кабырза жила только одна семья инородца Кобья. Затем к ней пришли «какие-то люди», которые через 20 лет оттуда откочевали, а через некоторое время вновь пришли и привели с собой других людей, с которыми прочно поселились на реке Кабырза. От семьи Кобья и пришельцев размножился народ, который заселил тайгу и стал заниматься охотой и ручным земледелием. Приблизительно в середине XVII в. (по легенде 250 лет назад) из-за гибели посевов начался сильный голод, и многие кобыйцы отселились в Абаканскую долину на реку Таштып, где стали называться «сагай-кижи» [10]. Тесные родственные связи с мрасскими сородичами абаканские кобыйцы сохраняли вплоть до разделения Томской и Енисейской губерний в 1836 г.

По легенде, записанной Н. П. Дыренковой в 1920-е годы в поселке Анчуль, предками сёока *хобый* были Алаш и Параш, вышедшие из горы Ордо [32, с. 311]. Местонахождение этой горы-прародительницы неизвестно. Л. П. Потаповым в разное время было записано несколько легенд, в которых говорится о «шорском» (конкретно – мрасском) происхождении сёока *кобий*. В одной из них их предками называются два брата Тебир-криш и Кола-криш, жившие оседло в устье реки Таяс, левого притока Кабырзы. Они занимались земледелием и передали эти навыки соседним кызайцам, от которых сами заимствовали секрет добывания огня [52, с. 165]. В другом предании, записанным у Кабонга Боргоякова, абаканского кобыйца, говорится, что их прародиной является река Мрассу в Кузнецкой тайге [53, с. 110].

Свое предположение о «шорском» происхождении кобыйцев Л. П. Потапов подкрепляет рядом этнографических материалов и исторических документов о переселении части ясачных Кивинской (Кобыйской) волости с реки Мрассу на реку Абакан [56, с. 130; 53, с. 112]. По его мнению, отселение «бирюсинцев-скотоводов» с реки Абакан на реку Кабырза было невозможно из-за отсутствия в тайге удобных пастбищ для скота [56, с. 258]. Вслед за Г. Е. Грум-Гржимайло, он сравнил название Кивинской волости с этнонимом древних теле «Киби», предполагая его древнетюркское происхождение [27, с. 247; 55, с. 493].

Антрополог В. П. Алексеев, обследовавший несколько черепов из старых могил абаканских кобыйцев, пришел к выводу, что тюркизация последних могла происходить только путем культурных, а не брачных контактов, так как кобыйцы сохранили в чистоте уральский расовый тип, характерный для самодийских и уральских народов [8, с. 100].

Б. О. Долгих вообще полагал, что сёок *кобый* «сравнительно молодое образование и, возможно, «отделился от какого-либо основного рода или переселился откуда-то со стороны» незадолго до появления русских в верховьях Томи [28, с. 111].

О таких переселениях повествует легенда, по которой предком кобыйцев был Хобый Алас, живший некоторое время в устье реки Матур после побега из Джунгарии при угоне кыргызов в 1703 г., а потом переселившийся в долину реки Таштып. Часть образованного им сёока откочевала затем на реку Кабырза и составила Кивинский род Кузнецкого округа. Всех бирюсинцев вместе с сёоком *кобый* В. Я. Бутанаев называет потомками общего покровителя из народа Кыргыз [18, с. 68]. Сомнительным в этой легенде, пожалуй, является время переселения сёока *кобый* на Кабырзу – после «угона в 1703 г. енисейских кыргызов». Дело в том, что Кивинская волость была в составе Мрасских волостей еще в начале XVII в., хотя, возможно, такие угоны могли быть и до 1703 г.

В. Г. Карцов поместил Кивинскую волость в районе максимального сближения верховьев рек Абакан и Мрассу и утверждал о возможности свободного переселения части сёока *кобый* по долинам этих двух рек [36, с. 151]. О существовании постоянных торговых путей, соединявших долину Мрассу с долиной Абакана, неоднократно упоминалось в литературе [48, с. 514; 7, с. 110]. По этому пути Улуг-Чол перевозились товары, перегонялся скот из Абаканских степей к реке Бия, проходили военные отряды кыргызов и джунгар для сбора ясака с кыштымских волостей и набегов на Кузнецкий острог. Во время голода часть мрасских татар спорадически отселялась по Улугчолу в верховья Абакана к своим сородичам, как некогда, вероятно, откочевала оттуда. По этим же путям была угнана и возвратилась обратно часть енисейских кыргызов [41, с. 69; 4, с. 81 – 99].

Из всего сказанного можно заключить, что формирование сёока *кобый* могло происходить на его древней родовой территории по водоразделам рек Томь, Мрассу, Кабырза и Таштып. В центре этой территории возвышаются горы, связывавшие некогда воедино все части сёока, разбросанные по долинам окрестных рек. Родовым горам регулярно совершались большие моления, причем не только абакански-

ми, но и мрасскими кобыйцами. Отдельные сёоки временами мигрировали в пределах родовой территории по этим долинам и торговым путям, что и нашло отражение в легендах и исторических документах. После окончательного разделения Томской и Енисейской губерний в 1836 г. стали отчетливо проявляться этнографические особенности мрасских и абаканских кобыйцев. Последние, как мы убедились во время экспедиции 1985 г., осознают себя хакасами, в то время как мрасские – стали частью шорского этноса.

Сёок *кызай* был отмечен всеми исследователями конца XIX – начала XX вв. и обитал в то время в среднем течении Мрассу, в районе устьев ее притоков – Кабырза, Пызас и Кызас. Сёок *кызай* составлял в XIX в. отдельную Кызыльскую волость, которая под различными названиями (в XVII в. – Кызылкарга, в XVIII в. – Карга-кызыл, Кызылкаргинская, Кызылгаева, Кызылкаинская) всегда располагалась в районе устьев рек Пызас и Кабырза [1]. Ставка паштыка этой волости находилась в улусе Усть-Кабырза, где проживало большинство сородичей, остальные в улусах Усть-Пызас, Нижне-Кызайский, Карчит, Улун-Гол. После 1912 г. эти улусы отошли в состав Кабырзинского общества Мрасской волости, впоследствии в Усть-Кабырзинский сельсовет, а с 2006 г. – в Усть-Кабырзинское сельское поселение. Сейчас потомки кызайцев – Адыяковы, Арбочаковы, Кушаковы, Судочаковы, Ундучековы – широко расселились по Таштагольскому району. Их много в г. Таштагол и поселке Шерегеш, но основная часть проживает в Усть-Кабырзинском сельском поселении.

Из исторических документов следует, что еще в XVIII в. часть сёока *кызай* переселилась в «Киргизскую землицу» в верховья рек Таштып, Тёя и Большая Есь, где они стали именоваться *хызыл-хая* в составе Кызыльского рода (13 различных фамилий) [28, с. 108; 19, с. 58]. К настоящему времени эти абаканские потомки сёока хызыл-хая частично расселились по Республике Хакасия, в т. ч. и в г. Абакан, и считают себя частью хакасского этноса.

В отношении происхождения сёока *кызай* в этнографической литературе высказывались различные противоречивые гипотезы. Л. П. Потапов, опираясь на записанную им в 1934 г. легенду, где прародниной сёока называется устье реки Кабырзы, утверждал о шорском происхождении этого сёока [56, с. 267]. Охотничьи угодья сёока кызай находились, согласно Л. П. Потапову, также в «Шории», в местности «Шортайга», в верховьях Томи и по ее притокам Кайтырыг, Палыгыг, Шор-суг, а также в местности «Сарыг-тайга» по реке Тюльбер, а кедровники – в верховьях рек Саим, Порлуг и на горе Кара-таг [52, с. 134 – 135].

Н. П. Дыренкова, напротив, называет сёок *кызай* «пришлым из сагайских степей» [32]. Позднее этнограф В. Я. Бутанаев высказал аналогичную гипотезу, в подтверждение которой использовал материалы исторического фольклора. По записанной им у хакасов легенде сёок *хызыл-хая* получил свое название от родовой горы Хызыл хая (Красная скала) в верховьях Томи, где в древности жили два брата: Хызыл-хая и Хобый алас. Впоследствии образованные этими братьями сёоки спустились на плотках по Томи до устья Мрассу, затем поднялись вверх по последней до устья левого ее притока – Пызас, где и обосновались,

сменив название на кызай. Спустя некоторое время часть сёока *кызай* отселась в верховья Таштыпа и Большой Еси, где вошла в состав сагайцев-хакасов и стала именоваться *кызыл-гая*, оставшаяся часть образовала самостоятельную Кызыльскую волость Кузнецкого уезда [18, с. 71]. В другой работе указанного автора предком сёока *кызыл-хая* «считался один мальчик, выросший в пещере этой родовой горы» (Хызыл хая) [19, с. 58].

Не исключено, что эти легенды в какой-то мере отражают реальные события, происходившие задолго до появления русских. Формирование сёока *кызай* вполне могло происходить в верховьях Томи на его древней промысловой территории. Отсюда по каким-то причинам он переселился в верховья Мрассу, где долго не мог поделить землю с сёоком *кый* (кой) [52, с. 165]. Отсутствие свободных угодий вынуждало людей охотиться на своей прежней промысловой территории в верховьях Томи. Отдельные семьи кызайцев из-за голода откочевали к р. Таштыпу на освобожденные земли после ухода кыргызов.

Пызасская группа объединяла сёоки таеш или узут-шор, чорал и кечин, обитавшие по реке Пызас в местности Чегорал, а также в верховьях Мрассу в районе устья реки Бугзас. Здесь был распространен особый переходный говор и проявлялись своеобразные антропологические признаки [68, с. 15]. Преобладало комплексное хозяйство (охота, земледелие, пчеловодство, рыболовство, собирательство). Скотоводство из-за отсутствия удобных пастбищ и традиционных навыков было незначительным. Отдельные предприимчивые торговцы стали обзаводиться жильем, одеждой, утварью на манер русских крестьян [7, с. 195].

Шорский сёок *чегорал*, упоминающийся в списке А. В. Адрианова, в начале XX в. стал именоваться чорал, а его две фамилии Ачеловы и Тенешевы встречаются сейчас, кроме города Таштагола и поселков Шерегеш и Спасск, в деревнях Кызыл-Шорской и Усть-Кобырзинской сельской территории. Скорее всего, это не сёок, а производный эпоним (родовое имя) местности Чегорал. Здесь в конце XIX в. обитало два сёока – таеш и кечин. А. В. Адрианов, посетивший в 1881 г. эти места, заметил, что представители сёока узют-шор скрывали свое самоназвание, так как «узют» обозначает покойницкую кость и что «Таяши ...они же и Узут-Шорву» [7, с. 195]. Все это позволяет нам предполагать что представители сёока узют-шор на рубеже XX столетия сменили свое прежнее название и стали причислять себя к сёоку таеш.

Территория расселения сёока *узют-шор* и *таеш* по сравнению с XIX в. сейчас значительно расширилась, и кроме реки Пызас, его потомки проживают в г. Таштагол, поселках Шерегеш и Спасск и населенных пунктах Кызыл-Шорской и Усть-Кобырзинской сельской территории. Представители сёока узют-шор оказались в составе Чилису-Анзасского общества Мрасской волости (затем Челису-Анзасского сельсовета, а после 2006 г. Усть-Кобырзинского сельского поселения) и причисляли уже себя к сёоку *таеш*.

Кроме шорцев, сёок таеш зафиксирован в Сагайской степи в составе Изушерского рода в форме *таяс* (20 различных фамилий с подразделениями: ах-таяс – белый таяс и хара-таяс – черный таяс [20, с. 60]. О

происхождении хакасской части сёока таеш существует легенда, записанная впервые Н. Ф. Катановым [38, с. 117] и впоследствии неоднократно опубликованная в других работах [54, с. 124; 50, с. 133]. Согласно этой легенде три брата из рода *таяс* – Кок-Тос, Маныс и Анийн жили в лесу. Боясь нападения соседних саянцев, они обратились к князю бельтиров Ептису с просьбой о покровительстве. Он переселил их поближе к себе в верховья Монока. Произошло это не ранее середины XVIII в., так как именно тогда, в восьми верстах к югу от устья реки Аскиз, князя Ептиса встретил на своем пути академик П. С. Паллас [48, с. 497]. Опираясь на эту легенду и архивные материалы, Л. П. Потапов, К. М. Патачаков и В. Я. Бутанаев считают хакасский сёок *таяс* частью шорского сёока таеш, откочевавшего с реки Пызас, куда впадает река Онзас с притоком Таяш Кузнецкой тайги [56, с. 268; 49, с. 133; 19, с. 60; 20, с. 20]. Это подтверждается и картой С. Ремезова, на которой в этих местах обозначены юрты «Тазашы» [17, с. 52], хотя в ясачных списках XVII – XVIII вв. такой волости не числилось.

Лингвист М. Н. Боргояков, напротив, называет его кыргызским и «всегда обитавшим на реке Пызас». В подтверждение им используется исторический документ, где говорится о разгроме в 1704 г. отрядом казаков во главе с П. Собанским и Ф. Сорокиным нескольких кыргызских юрт на реке Пызас [16, с. 129]. Действительно, такое событие имело место, но оно было связано с бегством части енисейских кыргызов от принудительного переселения в Джунгарию [41, с. 76]. Беглые кыргызы скрывались не только на реке Пызас, но также и в волостях вдоль торгового пути Улуг-Чол, соединявшего Абаканские степи с Алтаем [7, с. 110].

Можно предположить, что в начале XVIII в. произошло включение части сбежавших от джунгар кыргызов в Мрасско-Изушерскую и Карачерскую волости. Вполне вероятно, эти кыргызы могли быть из рода таеш, так как их охотничьи территории вплоть до начала XX в. были в верховьях Абакана и Лебеди.

Третий сёок кечен из Пызасской этнолокальной группы, составлявший до 1635 г. самостоятельную Киченскую волость, а затем вошедший в состав Мрасско-Изушерской, был одним из самых малочисленных родов, обитавших в верховьях Мрассу [28, с. 107].

После 1912 г. основная часть потомков сёока кечин составила Киченское общество Мрасской волости, а с образованием Горно-Шорского национального района вошла в Чилису-Анзасский сельсовет, а с 2006 г. – в Усть-Кобырзинское сельское поселение.

По сведениям Л. П. Потапова, сёок *кечин* раньше состоял из трех фамилий: Ептегешевы, Шипеевы и Тиингешевы, основателями которых, согласно легенде, было три брата: Ептеш, Шипей и Тиин. Первые два брата положили начало сёоку кечин, а третий – Тиин вошел в сёок таеш [56, с. 165, 178]. По нашим данным, фамилия Ептегешевых у шорцев в настоящее время не встречается, а к сёоку кечин, кроме Шипеевых, относят себя еще Башевы. Возможно, что последние – отделившаяся часть семей Пашевых сёока ак-шор. Произойти это могло не ранее середины XIX в., так как фамилия Башевых числилась в 1832 г. только в составе Карачерского рода [2].

В настоящее время потомки этого сёока – семьи Башевых и Шипеевых – широко расселились по Таштагольскому району и проживают, кроме реки Пызас и верховьев Мрассу, в г. Таштагол, п.г.т. Шерегеш и Спасск, а также в населенных пунктах Усть-Кобьринского сельского поселения.

Сформировался сёок *кечин*, скорее всего, еще задолго до прихода русских в верховья Мрассу, где находилась его родовая гора Тенгри-тау и где осталась большая часть его потомков [53, с. 134].

Верхнемрасская группа состояла из одного сёока *кый* (кой), семьи которого широко расселились в небольших аилах верховьев Мрассу и ее притоков – Колзасу, Узасу, Кыйзасу и отличались особым верхнемрасским говором. Но для соблюдения экзогамии в этой этнолокальной группе д. б. еще один сёок.

Основным занятием местных кыйцев были охота и рыболовство, некоторые практиковали пчеловодство, переняв его у соседних русских старообрядцев и приискателей. Как и соседние кобийцы, проживали в бревенчатых прямоугольных в плане юртах.

Этот эпоним *кый* название встречается во всех списках родового состава шорцев. Кроме того, в списке В. В. Радлова и Н. П. Дыренковой числятся дополнительно сёоки *койы* и *кой*, которые Л. П. Потапов считает различными вариантами одного и того же эпонима *кый* или *кой* [52, с. 17].

Сёок *кый* (кой) в конце XIX в. составлял отдельную Кийскую или Койскую волость, располагавшуюся в верховьях Мрассу и по ее притоку Кыйзас, где находилась ставка паштыка. Другая часть сёока под названием *хый* (13 различных фамилий) расселялась по рекам Таштып, Тея, Есь, Сея, Анчуль, Большой и Малый Сыр и входила там с XVIII в. в Кийский (Койский, Кийско-Кивинский или прости Кивинский) административный род Минусинского округа [38, с. 95; 20, с. 18]. После административной реформы 1912 г. мрасские кыйцы вошли в состав Кийского общества Мрасской волости, затем в Усть-Колзасский сельсовет, а с 2006 г. – в Усть-Кабызинское сельское поселение.

В настоящее время шорскими потомками этого сёока считают себя Кусургашевы и Шельтрековы. В начале 1960-х годов в связи с реорганизацией колхозов они покинули свою этническую территорию и расселились частично по рекам Бугзасс и Кабырза в Чилису-Анзасском и Усть-Кабырзинском сельсоветах, частично в поселках Мрассу и Камзас Усть-Колзасского сельсовета (сейчас Усть-Кабырзинское и Кызыл-Шорское сельские поселения). Отдельные семьи потомков кыйцев живут в г. Таштагол и п.г.т. Спасск.

Первые сведения о сёоке *кый* (Кувинской и Кизинской волости по реке Мрассу) дают русские исторические документы 1629 г. [48, с. 408]. На карте С. Ремезова в тех же местах обозначена Кавинская волость. В XVIII в. сёок *кый* частично обитал в верховьях Мрассу и составлял Кивинскую волость [56, с. 132], частично – в верховьях Абакана, где образовал «Каинское поколение бирюсинцев» [48, с. 507; 515; 26, с. 171; 51, с. 9].

О происхождении сёока *кый* сведения противоречивы. Б. О. Долгих считал его молодым образованием, переселившимся «со стороны» в верховья Мрассу

вместе с другими «бирюсинцами»: сёоками *кобий*, *кызай*, *карга* [28, с. 111]. Л. П. Потапов, опираясь на записанную им легенду о переселении сёока *кый* с реки Мрассу на реки Абакан, Таштып, Матур, напротив, принимал его за коренной «шорский» сёок [53, с. 121].

Очевидно, формирование сёока *кый*, как и предыдущего – *кобий*, происходило до прихода русских в пределы своей древней охотничьей территории в верховьях Абакана, по рекам Итыл, Тардаш, Кызас. Впоследствии кыйцы расселились в верховьях Мрассу и по левым притокам верховьев Абакана и свободно могли мигрировать друг к другу.

Название сёока, согласно Н. М. Боргоякову, происходит от гидронима Хый (река Кия) [15, с. 142], который, по А. П. Дульзону, является кетским по происхождению [30, с. 250]. Однако, все это сомнительно, так как сёок *кый*, по крайней мере с XVII в., жил на многие сотни километров к югу от реки Кии и не имел там никогда охотничьих угодий. В то же время сёок располагался в долинах рек Кыйзас (Хыйзас по хакасски) и Матур, по водоразделу которых возвышалась родовая гора Пустаг [19, с. 58]. Вполне правильнее будет увязать эпоним *кый* с гидронимом Кыйзас и считать его кетским по этногенезу, учитывая, что окончание *зас* аналогично кетскому слову *сас* или *сес*, - река [19, с. 58; 20, с. 18]. Лингвист Г. В. Косточаков считает, что все шорские этнонимы на Мрассу (Кобый, Кызай, Кый, Кечин, Карга) кетского происхождения [43, с. 66].

БИРЮСИНЦЫ кондомские подразделялись на две локальные группы.

Верхнекондомская в конце XIX в. состояла из сёоков *ак-шор*, *кара-шор*, *сары-шор*, *челей*, расселявшихся от верховьев реки Кондомы до с. Кондомского. Их объединял особый верхнекондомский говор кондомского диалекта [63], общность форм хозяйства: охота, ручное земледелие и пчеловодство, рыболовство и сбор кедрового ореха [64, с. 21]. Среди них было значительно влияние русской материальной культуры и христианства со стороны приискателей Спасска и миссионеров.

Л. П. Потапов предлагал включить в состав основного рода шор - сёок *кызыл-шор*, представителей которого – семью Тепчегешевых – он встретил в начале 1930-х годов на реках Колзас и Узас – левых притоках верховьев Мрассу (бывший Усть-Колзасский сельсовет). Им же сообщалось, что этот сёок имел спорные с челканцами охотничьи угодья в верховьях Абакана, по его притоку Кара-суг [52, с. 134]. По данным Н. П. Дыренковой Тепчегешевы проживали где-то в те же годы еще и в верховьях Кондомы в Кызыл-Шорском сельсовете, а отдельными семьями – в Усть-Кабырзинском сельсовете [32]. По нашим полевым материалам следует, что большинство Тепчегешевых в настоящее время проживает в населенных пунктах Кызыл-Шорского и Кабырзинского сельских поселений, то есть там, где когда-то обитал сёок *сары-шор*. Отдельные семьи с этой фамилией переселились в конце 1950-х годов в г. Таштагол, поселки Шерегеш и Спасск.

Правильнее будет полагать, что фамилия Тепчегешевых ранее принадлежала к сёоку *сары-шор*, а

сёок *кызыл-шор* вообще не существовал. Часть семей сёока *сары-шор* в 1930-е годы вполне могла отселиться в верховья Мрассу (Усть-Колзасский сельсовет), где их обнаружил и принял за самостоятельный род Л. П. Потапов. Поэтому у Тепчегешевых не появилось новой родовой территории и промышляли они, как и прежде, на охотничьей территории своего прежнего сёока *сары-шор*.

Не совсем ясным остается вопрос относительно фамилий Пашевых, Шуткариных, Тунековых, представители которых по нашим данным 1980-х годов причисляли себя к сёоку *ак-шор*. Прежнюю охотничью территорию этого рода шорцы нам называли в верховьях Кондомы по Бийской Гриве. Как в 1930-х годах, так и в настоящее время большинство этих фамилий встречается в поселках по правобережью верховьев Кондомы. В 1950 – 60-е гг. часть семей переселилась из поселков Коуринского сельсовета в г. Таштагол, п.г.т. Шерегеш и Спасск. Можно предположить, что эти семьи – отделившаяся часть соседнего сёока *кара-шор*, хотя нельзя исключать возможность существования в начале XX в. самостоятельно сёока *ак-шор*, кровнородственного трем соседним – *кара-шор*, *сары-шор*, *узют-шор* - *таеш*.

После административной реформы 1912 г. большинство потомков сёоков *кара-шор* и *сары-шор* составили около восьми обществ Верхнекондомской волости, впоследствии Кызыл-Шорского, Тугунского, Спасского сельсоветов, а после 2006 г. – Кызыл-Шорское сельское поселение.

Происхождение сёока *шор* остается невыясненным. Е. Пестерев и П. С. Паллас, посетившие «шорских татар» в верховьях Абакана в середине XVIII в. считали их потомками бирюсинцев, переселившихся первоначально с реки Бирюсы в верховья Кондомы, а потом, в начале XVIII в., возвратившихся на реку Абакан [51, с. 9; 48, с. 50].

Н. П. Дыренковой в улусе Акколь, что в верховьях Томи, чуть ниже устья реки Мрассу, была записана легенда о набегах воинственного «народца Шот» и столкновениях его с родами *кызай*, *кобий*, *кый*, *таеш* [32, с. 309]. Исходя из текста легенды, можно предполагать степное происхождение этого народа, хотя сама Н. П. Дыренкова не определяла его этническую принадлежность. Позднее Л. П. Потапов сравнил название «Шот» с этнонимом *чода* или *чоды* – самодийской родоплеменной группы, растворившейся среди карагасов, тувинцев-тоджинцев, кумандинцев и тубаларов [56, с. 493]. Как бы продолжая развивать гипотезу о самодийском происхождении сёока *шор*, этнограф В. И. Васильев сопоставил шорский эпоним *чор* (*шор*) с северосамодийским *чор* у ненцев [21, с. 155 - 156].

Свою точку зрения высказал исследователь этнографии хакасов В. Я. Бутанаев, который считает, что «шот» – это шорское произношение русского термина «чудь». Хакасы термином *шот* или *чуут*, *чоот* называют народ Ах-хорат, т. е. «белоглазый», который согласно историческим преданиям проживал в долине Среднего Енисея.

Оригинальный вариант этимологизации эпонима *шор* предложил Э. Ф. Чиспьяков. Он выделил в тюркских языках группу близких по значению слов, из которых мог быть заимствован один из семантических типов этнонимов – «человек», «люди». Для

сравнения им выбраны слова: кирг. *чор* – «низкий раб», *чору* – «служанка»; кераим. *чора* – «работник»; тув. *чура* – «раб», «рабыня», «невольник», «холоп», «слуга»; узбек. *чури* – «рабыня»; уйг. *чори* – «рабыня, пленница». Все эти слова, как полагал Э. Ф. Чиспьяков, восходят к одному иранскому корню [63, с. 37].

Со времен А. Н. Аристово существует мнение, что этноним *шор* исходит от названия реки Шора – левого притока Томи (ныне – территория Хакасии) [11, с. 69; 15, с. 143]. Интересен и тот факт, что в верховьях реки Шоры есть гора Шор-тайга.

АБИНЦЕВ можно подразделить на 4 локальные группы.

Нижнекондомская группа, наиболее смешанная в этническом и этноязыковом отношении, состояла из потомков сёоков *аба*, *себи*, *тарткын*, *кереш*, которые к началу XX в. под сильным влиянием русских уже утратили многие элементы традиционной культуры. Отдельные семьи в улусах Томазак (Мыски) и Тагдыаал (Осинники) занимаясь торговлей и скупкой мехов, меда, ореха, наживали большие состояния и имели крестовые двухэтажные дома [7, с. 174]. Жители улуса Абинцы (потомки абинцев XVII – XVIII вв.) вместе с русскими из соседних деревень занимались извозом – доставкой по Томи, Мрассу и Кондоме на лодках-долбленках муки и других грузов на прииски и в отдаленные улусы. Основным занятием большинства шорцев нижнекондомских улусов под влиянием русских крестьян стало пашенное земледелие, стойловое скотоводство и пчеловодство. Только некоторые бедные мелкие семьи продолжали существовать за счет охоты, рыболовства и собирательства [64, с. 631]. Местные мужчины почти все носили одежду русского типа: фабричные шаровары, сатиновую рубаху, суконное пальто, картуз или фетровую шляпу, кожаные сапоги, зимой – овчинную шубу и шапку. Женщины шили платья из покупной материи и халаты из черного сукна. Кое-где еще сохранялись старинные телеутские женские платья со стоячим, обшитым гарусными нитками воротником «чага». Этническое окружение русских крестьян и особенно Кузедеевский стан Алтайской православной духовной миссии привели к быстрой этнокультурной ассимиляции большинства населения низовьев Кондомы.

Мундыбашская группа состояла преимущественно из представителей сёоков *калар* и *чедибер*, которые имели особый говор [63, с. 39]. Основой их хозяйства были охота, земледелие и отчасти пчеловодство. Скотоводство и рыболовство у жителей небольших аилов долины Мундыбаша были развиты очень слабо [5, с. 936]. Проживали каларцы в бревенчатых юртах, мужчины одевались в домотканые халаты, штаны, а женщины носили платья, из обуви те и другие использовали кожаные сапоги.

В настоящее время потомки этой группы – тѣли – проживают в населенных пунктах Каларского сельского и Мундыбашского городского поселений.

О происхождении сёока *чедибер* существует несколько противоречивых гипотез. Так, краевед-геолог Г. П. Старков, переводя этноним *чедибер/четтибер/йеттибер* с древнетюркского как «семь волков», сравнивает его с самодийским *йоты/юты/чоду* + финальный формант *пер* и предполагает, что это назва-

ние «легендарного народа рудокопов и металлургов – чуди» [60, с. 130].

Антропская группа состояла из сёоков *челей* и *чедибер*, включая отдельные кумандинские семьи. Все они вследствие длительного совместного проживания имели особый антропский говор. У чедиберов главным источником жизнеобеспечения в конце XIX в. была охота, у челейцев – пчеловодство [24, с. 75]. Земледелие не обеспечивало потребностей, и мука дополнительно закупалась на Спасском прииске у кумандинцев и русских торговцев. Местные жилища были разнообразны – от русских изб до срубных юрт с засыпанной землей жердчатой крышей [22, с. 145]. Близкое соседство с кумандинцами привело к заимствованию у последних некоторых элементов одежды: вязаных носков, кушаков с вышитыми на них геометрическими узорами [10]. Влияние Кондомского отделения Алтайской православной духовной миссии привело к постепенному изменению мировоззрения и обрядов у населения.

Юрты паштыка Кондомо-Елейской волости в XIX в. находились, как уже отмечалось, в низовьях левого притока Кондомы – реке Антроп. В настоящее время к шорским потомкам кондомских челейцев причисляют себя Ачулаковы, Каташевы, Кунгушевы, Кучуковы, Полчановы, Чепсораковы, Шурлачаковы, которые проживают в основном в г. Таштагол, п.г.т. Шерегеш и Спасск, а также в населенных пунктах Кызыл-Шорского и Коуринского сельских поселений.

Нижнемерасская группа имела особый говор, ставший основой современного шорского литературного языка [63]. Состояла она из потомков сёоков *аба*, *челей*, *тарткын*, которые имели своеобразный антропологический тип, «резко отличающийся от монголоидного» [63, с. 348]. Население нижнемерасских улусов Красный яр, Мыски было социально неоднородным. Значительная часть семей занималась скупкой ореха и пушнины у верховских шорцев с перепродажей товара по завышенным ценам на рынках Сибири, отчего и получила кличку «садыгчеларэ», т. е. «торгаши». Высокоразвиты были скотоводство и рыболовство, имевшие к началу XX в. товарный характер [64, с. 25]. Основным жилищем были русские избы, у богатых – крестовые дома. Бревенчатые юрты использовались только летом у бедняков.

Потомками нижнемерасских и верхнетомских челейцев являются шорские семьи Акуляковых, Акуша-

ковых, Апанаевых, Бекреневых, Мижаковых, Мойнаковых, Мойтаковых, Чульджановых, проживающие в поселках Чувашка, Подобас, Безруковсково Мысковского городского поселения, а также в гг. Мыски и Междуреченск.

Заключение

После административной реформы 1912 г. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости уже с «оседлыми инородцами», что привело не к консолидации, а скорее к миграциям в пределах новых административных образований, разрушению внутриродовых связей, потере локальной этничности и ассимиляции среди увеличивающегося русского населения в процессе переселенческой политики российского государства. Институт паштыков был упразднен, а с ним старая форма сбора налогов, традиционное самоуправление и организация системы судопроизводства. Кузнецкие инородцы были прикреплены по месту проживания, что улучшило систему учета и сбор налогов. В то же время возникла межэтническая напряженность, особенно в населенных пунктах с преобладанием русского населения [59, с. 140].

В советский период в границах Горно-Шорского национального завершился процесс этногенеза шорцев, хотя многие десятилетия продолжался процесс локализации прежних этнотерриториальных групп в границах образованных сельских советов. При этом в состав шорцев вошли местные группы кумандинцев, челканцев, сагайцев и телеутов. В послевоенный период активного промышленного освоения территории реорганизованного в 1939 г. национального района и ликвидации колхозов начался необратимый процесс миграции шорских семей из разных сёоков в города и крупные поселки, что привело к началу XXI в. к значительной урбанизации (до 90 %) населения. Молодое поколение современных городских шорцев не знает родного языка, не сохранило предметы традиционной бытовой культуры и имеет смутное представление о своем этногенезе и этнической истории. А это значит – этнос находится на стадии необратимой полной ассимиляции, несмотря на усилия властей и представителей шорской национально-политической элиты в привнесении элементов этнокультурного неотрециализма.

Литература

1. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 131. Л. 207.
2. ГАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 140.
3. Абдрахманов М. А., Бонюхов А. А. Топонимические названия Шории // Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск, 1966. С. 159 – 169.
4. Абдыкалыков А. Переселение Енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов: сб. ст. Новосибирск, 1986. С. 81 – 99
5. Адрианов А. В. Сеоки и шуточные характеристики инородческих родов (сёоков) // Потанин Г. И. Очерки Северо-Западной Монголии: мат-лы этнографические. СПб., 1883. Вып. IV. С. 936 – 941.
6. Адрианов А. В. Кузнецкий край // Живописная Россия. Т. XI. СПб.; М., 1884. С. 273 – 302.
7. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки ИРГО. СПб., 1888. Т. II. С. 147 – 422.
8. Алексеев В. П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 86 – 100.

9. Анохин А. В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Историко-культурное и природное наследие Горной Шории: Шорский сб. Кемерово, 1994. Вып. I. С. 49 – 64.
10. Анохин А. МАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84.
11. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина: журн. Мин. нар. просвещ. СПб., 1897. Вып. III – IV. С. 277 – 456.
12. Битадзе Л. О. Популяционно-генетическая характеристика населения Горной шории // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово, 1994. Вып. I. С. 259 – 264.
13. Богораз В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. МАЭ, 1927. Т. VI. С. 37 – 62.
14. Бонюхов А. А. О микрогидронимах Горной Шории // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1971. Вып. 4. С. 145 – 155.
15. Боргояков М. И. О происхождении названия Сора // Ученые зап. ХакНИИЯЛИ. Сер. Филолог. Абакан, 1973. Вып. 18. № 2. С. 142 – 144.
16. Боргояков М. И. Вопросы этногенеза хакасов XVII – XVIII вв. и исторические предания // Ученые зап. ХакНИИЯЛИ. Сер. история. 1974. Вып. 19. № 5. С. 120 – 131.
17. Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: Азбука, 2007. 216 с.
18. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасов по данным этнонимии // Историческая этнография (традиции и современность). Л., 1983. С. 68 – 73.
19. Бутанаев В. Я. Бирюсинцы // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность: Сб. научных трудов. Кемерово: КемГУ, 1992. С. 55 – 62.
20. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 93 с.
21. Васильев В. И. К проблеме этногенеза самодийских народов // Социальная организация в культуре народов Севера. М., 1974. С. 133 – 175.
22. Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии, священника В. Вербицкого за 1862 г. // Православное обозрение. М., 1863. Т. 5. № 2. С. 143 – 161.
23. Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1866 г. // Православное обозрение. М., 1867. Т. 8. № 1. С. 165 – 180.
24. Вербицкий В. И. Алтайцы. Томск, 1870. 224 с.
25. Вербицкий В. И. Кочевья инородцев Кузнецкого округа по реке Томи, Мрассе и Кондоме // Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 242 – 249.
26. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 2. С. 161 – 171.
27. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2. 896 с.
28. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ АН СССР. Нов. сер. М.-Л., 1960. Т. 55. С. 104 – 118.
29. Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимии // Географические названия. Вопросы географии. Т. 52. М., 1962. С. 68 – 78.
30. Дульзон А. П. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С. 246 – 257.
31. Дыренкова Н. П. АМЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122 – 123.
32. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор; зап., пер., вступ. ст. и прим. Н. П. Дыренковой // АН СССР. М.; Л., 1940. 448 с.
33. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
34. Иванов С. В. Шорцы. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости // ТИЭ, новая серия, 1954. Т. 22. М.; Л., 1954. С. 661 – 674.
35. Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 72 – 375.
36. Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVII – пер. пол. XIX вв.). Абакан, 1970. 197 с.
37. Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Императорское Русское географическое общество. Отд. этнографии. Записки. СПб., 1909. Т. 34. С. 265 – 288.
38. Катанов Н. Ф. Хакасский фольклор. Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1963. 162 с.
39. Ким А. Р. Материалы по краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 180 – 195.
40. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989. 189 с.
41. Копкоев К. Г. Об угоне «енисейских кыргызов» в Джунгарию в начале XVIII в. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 65 – 85.
42. Косточаков Г. В. Словарь шорских фамилий: уч. пособие для студентов шорского отделения КузГПА. Кемерово: Кузбасс, 2005. 140 с.
43. Косточаков Г. В. Кетский компонент в шорском этносе (по данным ономастики) // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития»; доклады научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания и 15-летию открытия музея этнографии и природы Горной Шории 10 – 11 июня 2010. Таштагол, 2013. С. 62 – 72.
44. Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 7. Абакан, 1959. С. 70 – 126.

45. Лавряшина М. Б., Толочко М. В. ШОРЦЫ: исследование генетической структуры популяции по данным фамильного анализа и генетических маркеров // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития; доклады научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания и 15-летию открытия музея этнографии и природы Горной Шории. 10 – 11 июня 2010 г. Таштагол, 2013. С. 137 – 147.
46. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры у хантов. Восточная группа. Томск, 1985. 362 с.
47. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. II. 796 с.
48. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 1788. Ч. III., половина I. 624 с.
49. Патачаков К. М. Родовой состав и народные предания о происхождении бельтиров // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. 7. С. 127 - 134.
50. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных спец. разработки материалов переписи 1897 г.). Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губ. // Записки ИРГО по отд. статист. СПб., 1911. Т. XI. Вып. 2. С. 270 – 301.
51. Пестерев Е. Новые ежемесячные сочинения. Ч. LXXXII. СПб., 1973. С. 9 - 10.
52. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. 260 с.
53. Потапов Л. П. Этнический состав сагайцев // СЭ, 1947. № 3. С. 103 - 127.
54. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.
55. Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 492 – 538.
56. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 396 с.
57. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. 196 с.
58. Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. 749 с.
59. Садовой А. Н. Реформы конца XIX - начала XX вв. и их социально-экономические последствия для коренного населения // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы; Ин-т угля и углехимии СО РАН. Кемерово, 2003. С. 137 – 144.
60. Старков Г. П. Этнический субстрат Горной Шории в дотюркскую эпоху // Шорский этнос: вопросы сохранения и развития: доклады научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания и 15-летию открытия музея этнографии и природы Горной Шории. 10 – 11 июня 2010 г. Таштагол, 2013. С. 122 - 135.
61. Сувейздис П. Г. Сельское хозяйство в Кузнецком округе // Сельское хозяйство и лесоводство. М., 1900. № 4. С. 187 – 292.
62. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.
63. Чиспияков Э. Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 115 - 146.
64. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Черневые инородцы Кузнецкого уезда. Экономические таблицы. Т. 3. Вып. 4. Барнаул, 1903.
65. Эрдниев У. Э. Городище «Маяк». Кемерово, 1960. С. 67.
66. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб.: изд-е И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.
67. Ярославцев Д. По Горной Шории // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово, 1994. Вып. I. С. 64 – 85.
68. Ярхо А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 147 с.

Информация об авторе:

Кимеев Валерий Макарович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, kimeev@mail.ru.

Valeriy M. Kimeev – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.